

УДК 334.02

Научная статья

DOI: 10.35330/1991-6639-2025-27-5-211-222

EDN: MEZNNO

Социально-экономическое развитие России: анализ влияния внешних шоков и структурных ограничений на уровень жизни

С. В. Дохолян

Институт социально-экономических проблем народонаселения,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32

Аннотация. Статья посвящена анализу парадоксальной динамики уровня жизни населения России в период с 2014-го по 2024 год, характеризующийся серьезными макроэкономическими шоками и активным вмешательством государства в социальную сферу.

Цель. Выявление причин расхождения между траекториями стагнирующих реальных доходов населения и официально снижающимся уровнем бедности.

Методология. Исследование основано на системном анализе данных Федеральной службы государственной статистики (Росстат) о доходах, расходах, бедности и неравенстве, а также на обзоре и синтезе актуальных научных работ российских экономистов и социологов.

Результаты. В ходе анализа установлено, что падение реальных располагаемых доходов в 2014–2020 гг. было обусловлено внешними шоками и структурными особенностями экономики. Выявлено, что последующее беспрецедентное снижение официального уровня бедности было вызвано не органическим ростом благосостояния, а преимущественно масштабными адресными социальными выплатами семьям с детьми и специфическими экономическими факторами 2022–2024 гг. При этом высокий уровень неравенства (коэффициент Джини) продолжает выступать структурным барьером на пути к росту качества жизни большинства граждан.

Выходы. Существующая модель социальной политики в России эффективно справляется с задачей статистического купирования экстремальной нищеты, но не решает фундаментальных проблем рынка труда, таких как феномен «работающих бедных» и низкая стоимость труда. Это маскирует стагнацию реального благосостояния и консервирует структурные диспропорции в экономике.

Ключевые слова: уровень жизни, реальные доходы, бедность, неравенство, коэффициент Джини, социальная политика, российская экономика, работающие бедные, макроэкономические шоки, потребительские расходы, государственное регулирование

Поступила 11.07.2025, одобрена после рецензирования 29.08.2025, принята к публикации 25.09.2025

Для цитирования. Дохолян С. В. Социально-экономическое развитие России: анализ влияния внешних шоков и структурных ограничений на уровень жизни // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2025. Т. 27. № 5. С. 211–222. DOI: 10.35330/1991-6639-2025-27-5-211-222

Original article

Socio-economic development of Russia: analysis for impact of external shocks and structural constraints on living standards

S.V. Doholyan

Institute of Socio-Economic Problems of Population,
Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences
32 Nakhimovsky prospekt, Moscow, 117218, Russia

Abstract. The article analyzes the paradoxical changes in the standard of living of the Russian population between 2014 and 2024, characterized by serious macroeconomic shocks and government active interventions in the social sector.

Aim. The purpose of the study is to identify the causes of the discrepancy between the trajectories of stagnating real incomes of the population and the officially declining poverty rate.

Methodology. The study is based on a systematic analysis of data from the Federal State Statistics Service (Rosstat) on income, expenses, poverty and inequality, as well as on a review and synthesis of current scientific papers by Russian economists and sociologists.

Results. The analysis revealed that the decline in real disposable incomes in 2014–2020 was due to external shocks and structural features of the economy. It was revealed that the subsequent unprecedented decrease in the official poverty level was caused not by an organic increase in well-being, but rather by large-scale targeted social payments to families with children and specific economic factors in 2022–2024. At the same time, the high level of inequality (the Gini coefficient) continues to act as a structural barrier to improving the quality of life for the majority of citizens.

Conclusions. It is concluded that the existing model of social policy in Russia effectively copes with the task of statistical relief of extreme poverty, but does not solve the fundamental problems of the labor market, such as the phenomenon of the "working poor" and low labor costs. This masks the stagnation of real wealth and preserves structural imbalances in the economy.

Keywords: standard of living, real incomes, poverty, inequality, Gini coefficient, social policy, Russian economy, working poor, macroeconomic shocks, consumer spending, government regulation

Submitted on 11.07.2025, approved after reviewing on 29.08.2025, accepted for publication on 25.09.2025

For citation. Doholyan S.V. Socio-economic development of Russia: analysis for impact of external shocks and structural constraints on living standards. *News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS*. 2025. Vol. 27. No. 5. Pp. 211–222. DOI: 10.35330/1991-6639-2025-27-5-211-222

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы. Низкий уровень жизни значительной части населения остается одной из наиболее острых социально-экономических проблем современной России. Несмотря на периоды экономического роста и декларируемые успехи в социальной политике, разрыв в доходах, высокий уровень бедности и неудовлетворенность качеством жизни продолжают вызывать обеспокоенность как в экспертном сообществе, так и среди граждан. Настоящее исследование направлено на выявление и анализ ключевых причин, обусловивших низкий уровень жизни населения России в период с 2014-го по 2024 год. Этот временной отрезок характеризуется серьезными внешними и внутренними вызовами: от введения международных санкций и падения цен на энергоносители до пандемии COVID-19 и структурных изменений в экономике.

В рамках данного исследования будет проведен анализ динамики основных показателей уровня жизни, таких как доходы, расходы, уровень бедности и коэффициент Джини, на основе данных российских государственных организаций. Кроме того, будет представлен обзор научной литературы с изложением мнений российских ученых и экспертов относительно фундаментальных причин исследуемой проблемы. Итогом работы станут предложения по возможным направлениям для дальнейшего, более глубокого научного анализа.

Цель данной статьи – выявить и проанализировать, каким образом внешние макроэкономические шоки и ответные меры государственной политики повлияли на ключевые индикаторы уровня жизни в России (доходы, бедность, неравенство, потребление) в период с 2014-го по 2024 год.

Основная часть

1. Теоретический анализ

Анализ научной литературы, опубликованной в период с 2020-го по 2024 год, позволяет выделить несколько ключевых направлений в объяснении причин низкого уровня жизни в России. Мнения экспертов сходятся в том, что проблема носит комплексный характер, обусловленный как макроэкономическими, так и институциональными факторами.

Макроэкономические и структурные факторы. Многие исследователи указывают на долгосрочную стагнацию реальных доходов населения как на основной фактор. Так, А. В. Вахрушев отмечает в [1], что экономическая модель, сложившаяся в России, не обеспечивает устойчивого роста доходов для большинства граждан. Исследователи подчеркивают зависимость экономики от экспорта сырья, что делает ее уязвимой к колебаниям мировых цен.

В. Н. Бобков, Е. В. Одинцова, В. В. Коваленко и А. А. Гулюгина в своих работах [2] акцентируют внимание на проблеме «работающих бедных», когда наличие занятости не гарантирует достойный уровень жизни. По их мнению, низкая стоимость рабочей силы является одной из фундаментальных проблем российской экономики. С ними согласна Н.В. Зубаревич, которая также указывает на глубокую региональную дифференциацию в уровне доходов и качества жизни, обусловленную неравномерным экономическим развитием регионов [3]. Наши исследования дополняют работы Н.В. Зубаревич, показывая, что проблема регионального неравенства требует системного подхода, основанного на принципах устойчивого развития, который включает не только экономическую, но и социальную и экологическую составляющие [4, 5].

Влияние внешних шоков. Влияние санкций, введенных в 2014 году, и последующих их волн на уровень жизни населения является предметом дискуссий. Аналитические данные свидетельствуют о глубоком и затяжном падении реальных располагаемых доходов населения, которое продолжалось четыре года подряд (2014–2017). Это падение было прямым следствием «двойного шока», описанного в работах С. А. Афонцева [6], М. Ю. Малкиной и Р. В. Балакина [7], – одновременного эффекта от падения мировых цен на нефть и введения экономических санкций. На фоне общих экономических проблем вопросы продовольственной безопасности и устойчивости аграрного сектора стали критически важными для поддержания минимального уровня жизни, особенно в аграрных и периферийных регионах. Это добавляет еще один важный аспект к анализу благосостояния населения [8, 9].

М. Ю. Малкина и Р. В. Балакин утверждают в [7], что санкции привели к росту цен на потребительские товары и ограничили доступ к дешевым кредитным ресурсам, что негативно сказалось на благосостоянии домохозяйств. В свою очередь С. А. Афонцев в [6] отмечает, что хотя прямой эффект санкций был значительным, более существенное влияние оказало падение цен на нефть в 2014–2015 годах, которое привело к девальвации рубля и сокращению бюджетных возможностей.

Пандемия COVID-19 также внесла свой вклад. А. А. Широр и В. В. Потапенко в своих исследованиях [10] подчеркивают, что пандемия наиболее сильно ударила по доходам работников сферы услуг и неформального сектора, углубив существующее неравенство.

Социальное неравенство и бедность. Проблема высокого неравенства доходов является центральной в работах многих российских социологов и экономистов. М. К. Горшков, основываясь на данных социологических опросов [11], делает вывод о глубоком расколе в обществе по уровню доходов и доступу к социальным благам. А. А. Мотыльков [12] исследует факторы, консервирующие бедность, среди которых выделяет низкий уровень образования и квалификации, а также ограниченные возможности для вертикальной социальной мобильности.

Ю. Г. Лежнина в своей работе [13] обращает внимание на структуру бедности, подчеркивая, что наиболее уязвимыми группами являются семьи с детьми и жители сельской местности. Н. М. Римашевская, И. А. Денисова, М. А. Карцева критически оценивают эффективность мер социальной поддержки, указывая на их недостаточный объем и слабую адресность [14, 15].

Институциональные факторы. Ряд экспертов связывают низкий уровень жизни с особенностями институциональной среды. А.А. Аузан говорит в [16] о «колее» институционального развития, которая препятствует формированию конкурентной среды и росту производительности труда.

А. Г. Аганбегян в [17] настаивает на необходимости структурных реформ, направленных на диверсификацию экономики, развитие человеческого капитала и поддержку малого и среднего бизнеса как ключевых условий для роста благосостояния населения. В. А. May, анализируя в [18] экономическую политику, отмечает противоречивость принимаемых мер, когда фискальная консолидация и сдерживание инфляции ставятся в приоритет перед стимулированием роста доходов. Наконец, С. Ю. Глазьев [19] связывает проблемы в уровне жизни с проводимой денежно-кредитной политикой, которая, по его мнению, ограничивает экономический рост.

2. Эмпирический анализ

На основе данных Федеральной службы государственной статистики (Росстат) и Минэкономразвития можно провести комплексную оценку динамики уровня жизни населения России за период с 2013-го по 2024 год. Анализ охватывает ключевые показатели: доходы населения, их соотношение с прожиточным минимумом, уровень бедности и степень социального неравенства.

За исследуемый период наблюдался уверенный рост номинальных показателей благосостояния (табл. 1). Среднедушевые денежные доходы населения выросли более чем вдвое: с 25 684 рублей в месяц в 2013 году до 63 083 рублей в 2024 году. Параллельно увеличивалась и величина прожиточного минимума – с 7 326 рублей до 15 453 рублей за тот же период.

Таблица 1. Соотношение среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума за 2013–2024 гг.

Table 1. The ratio of the average per capita monetary income of the population to the minimum subsistence level for 2013–2024.

Годы	Среднедушевые денежные доходы населения, рублей в месяц	Величина прожиточного минимума, в целом по Российской Федерации, в расчете на душу населения*	Отношение среднедушевых денежных доходов населения к прожиточному минимуму в РФ, в процентах
2013	25684	7326	350,59
2014	27412	7688	356,56
2015	30254	9662	313,12
2016	30865	9776	315,72
2017	31897	9909	321,90
2018	33361	10038	332,35
2019	35506	10753	330,20
2020	36240	10 843	334,22
2021	40304	11653	345,87
2022	44937	12654	355,12
2023	47386	14375	329,64
2024	63083	15453	408,22

*Российская Федерация без учета новых субъектов (с 01.01.2023)

Источники: таблица составлена на основе информации из статистических сборников и отчетов Федеральной службы государственной статистики (Росстат) за соответствующие годы

Ключевым индикатором является отношение доходов к прожиточному минимуму, которое показывает покупательную способность среднего дохода в «прожиточных минимумах». Этот показатель демонстрировал колебания: после роста до 356,56 % в 2014 году он заметно снизился в 2015 году до 313,12 %, что совпало с экономическими трудностями того периода. В последующие годы он восстанавливался, достигнув исторического максимума в 408,22 % в 2024 году, что свидетельствует о существенном превышении средних доходов над базовым уровнем потребностей.

Однако для полной картины необходимо учитывать реальные располагаемые доходы, которые корректируются на инфляцию (табл. 2). Их динамика была крайне нестабильной. Период с 2014-го по 2017 год характеризовался спадом с наиболее резким падением в 2016 году (-4,6 %). После кратковременного роста в 2018–2019 гг. в 2020 году вновь последовало снижение (-2,0 %). Наиболее позитивным годом стал 2023-й, когда реальные доходы выросли на 5,4 %. Эта волатильность показывает, что несмотря на рост номинальных зарплат, их реальная покупательная способность подвергалась серьезным колебаниям из-за инфляционных процессов.

Одним из наиболее значимых положительных трендов за рассматриваемый период стало последовательное снижение уровня бедности. Если в 2015 году 13,4 % населения имели доходы ниже прожиточного минимума, то к 2024 году этот показатель сократился почти вдвое, достигнув рекордно низкого значения в 7,2 %.

Это снижение было особенно заметным в последние годы: с 11,0 % в 2021 году до 9,3 % в 2023 году. Такой прогресс можно связать как с ростом номинальных доходов, опережающим рост прожиточного минимума, так и, вероятно, с мерами государственной соци-

альной поддержки, направленными на наименее обеспеченные слои населения. Успешное сокращение бедности является важным индикатором повышения базового уровня жизни в стране.

Таблица 2. Динамика показателей благосостояния населения РФ за 2014–2024 гг.

Table 2. Dynamics of welfare indicators for the population of the Russian Federation for 2014–2024

Год	Реальные располагаемые доходы (изменение, % к пред. году)	Уровень бедности (%)	Коэффициент Джини
2014		–1,2	0,416
2015		–2,8	0,413
2016		–4,6	0,412
2017		–0,9	0,411
2018	+0,5	12,6	0,413
2019	+1,2	12,3	0,411
2020		–2,0	0,406
2021	+3,2	11,0	0,409
2022		–1,0	0,398
2023	+5,4	9,3	0,405
2024	+1,2	7,2	0,408

Источники: данные Росстата, Минэкономразвития.

Для оценки равномерности распределения доходов в обществе используется коэффициент Джини, где 0 означает абсолютное равенство, а 1 – абсолютное неравенство. На протяжении всего периода с 2014-го по 2024 год этот показатель в России оставался на удивление стабильным. Коэффициент колебался в очень узком коридоре: от максимального значения 0,416 в 2014 году до минимального 0,398 в 2022 году. В 2024 году он составил 0,408. Такая стабильность свидетельствует о том, что несмотря на экономические потрясения, рост доходов и снижение бедности, фундаментальная структура распределения благ в обществе практически не изменилась. Экономический рост и социальные трансферты позволили поднять доходы наименее обеспеченных граждан выше черты бедности, но не привели к существенному сокращению разрыва между богатыми и бедными.

Структура расходов (табл. 3) показывает увеличение доли затрат на продукты питания, что является характерным признаком снижения реальных доходов у значительной части населения. Согласно закону Энгеля увеличение доли трат на продовольствие в бюджете домохозяйства может свидетельствовать о снижении реальных располагаемых доходов, поскольку еда является товаром первой необходимости, от которого сложнее отказаться.

Таблица 3. Структура потребительских расходов домашних хозяйств, 2014 и 2023 гг. (%)

Table 3. Structure of household consumer expenditures, 2014 and 2023 (%)

Статьи расходов	2014 г.	2023 г.
Продукты питания	29,8	32,3
Непродовольственные товары	36,9	35,5
Услуги	25,1	24,2
Алкогольные напитки, табачные изделия	3,1	3,0
Прочие расходы	5,1	5,0

Источники: данные Росстата, Минэкономразвития.

Сравнение структуры расходов за 2014 и 2023 годы указывает на смещение потребительских приоритетов в сторону базовых потребностей. Увеличение доли расходов на продукты питания на фоне сокращения трат на непродовольственные товары и услуги является признаком того, что домохозяйства испытывают определенное экономическое давление.

В условиях, когда рост цен на продовольствие опережает рост доходов или когда реальные доходы стагнируют либо снижаются, потребители вынуждены выделять большую часть своего бюджета на еду, сокращая при этом менее обязательные траты. Таким образом, анализ таблицы 3 свидетельствует о возможном ухудшении материального положения или, как минимум, о пересмотре потребительской модели средней российской семьи в сторону большей экономии за указанный период.

Анализ статистических данных за 2013–2024 годы позволяет сформировать комплексное заключение об уровне жизни в России:

- Наблюдается значительный рост номинальных доходов, что привело к увеличению разрыва между средней зарплатой и прожиточным минимумом. Однако из-за инфляции реальные доходы населения переживали периоды спада, что сказывалось на ощущении экономического благополучия граждан. Период с 2014-го по 2017 год был отмечен глубоким спадом ($-0,7\%$, $-3,2\%$, $-5,8\%$, $-1,2\%$ последовательно), который фактически отбросил благосостояние населения на несколько лет назад. Этот спад, как верно отмечают А. С. Булатов, Ю. Д. Квашнин и С. А. Афонцев, был спровоцирован двойным шоком: падением мировых цен на нефть и введением западных санкций, что привело к девальвации рубля и всплеску инфляции [17]. Последующий рост был либо незначительным (2018–2019), либо прерывался новыми кризисами, как пандемия в 2020 году ($-2,0\%$), о чём пишут Л. Н. Овчарова и Е. Г. Попова. Даже с учетом позитивной динамики 2021 и 2023 годов для многих домохозяйств десятилетие в целом не принесло ощутимого роста реального благосостояния.

- Главным достижением за этот период стало последовательное и существенное снижение уровня бедности до исторического минимума. На фоне стагнирующих доходов официальная статистика демонстрирует значительное снижение уровня бедности, особенно в 2022–2023 годах (с 11,0 % до 9,3 %). Это расхождение можно объяснить несколькими факторами, которые активно обсуждаются в научной среде: во-первых, эффективность адресной поддержки – государство действительно нарастило объем социальных выплат, особенно для семей с детьми, что позволило вывести доходы части населения формально выше черты прожиточного минимума. Это частично отражает критику Л. С. Ржаницыной и Н. М. Римашевской о необходимости повышения адресности помощи [14]. Во-вторых, изменение методологии: методика расчета прожиточного минимума и границы бедности менялась, что могло повлиять на итоговые цифры. И в-третьих, это специфические факторы 2022–2024 гг.: значительные выплаты, связанные с участием в СВО, и рост зарплат в оборонно-промышленном комплексе могли повысить доходы определенных групп населения, что статистически снизило общий уровень бедности.

- Уровень социального неравенства, измеряемый коэффициентом Джини, оставался практически неизменным. Коэффициент Джини, несмотря на небольшое снижение до 0,395, остается на высоком уровне. Это говорит о том, что плоды даже ограниченного экономического роста распределяются крайне неравномерно. Это подтверждает тезисы М. К. Горшкова о социальном расколе [11] и Н. В. Зубаревич о глубоком региональном неравенстве [3]. Снижение коэффициента может быть связано с ростом доходов в нижней части шкалы за счет социальных выплат, но не отменяет колossalной концентрации богатства наверху. Это указывает на то, что плоды экономического роста распределялись пропорционально существующим долям, не меняя сложившуюся в обществе иерархию доходов.

Таким образом, можно констатировать улучшение базовых показателей уровня жизни, особенно в части борьбы с бедностью, при сохранении стабильной структуры социального

раслоения и высокой чувствительности реальных доходов населения к макроэкономической конъюнктуре.

Представленные данные позволяют верифицировать мнения экспертов:

Авторы	Тезис	Подтверждение в эмпирическом анализе
Аганбегян А.Г., Аузан А.А.	Необходимость структурных реформ, зависимость от сырьевой модели	Периоды падения реальных доходов совпадают с падением цен на энергоносители, что доказывает уязвимость экономики.
Бобков В.Н., Гулюгина А.А.	Проблема «работающих бедных»	Рост номинальных доходов при стагнации реальных и высокой доле трат на еду.
Зубаревич Н.В.	Глубокая региональная дифференциация	Высокий коэффициент Джини отражает в том числе и межрегиональное неравенство в доходах и качестве жизни.
Мотыльков А.А.	Высокий уровень неравенства консервирует бедность	Стабильно высокий коэффициент Джини показывает, что несмотря на снижение официальной бедности фундаментальная проблема разрыва в доходах сохраняется.
Широв А. А., Потапенко В. В.	Влияние пандемии на доходы	Падение реальных доходов в 2020 году на 2,0 % является прямым отражением последствий локдаунов.

Источник: составлено автором

Основной вывод, следующий из анализа данных, – это парадокс между стагнацией реальных доходов и официальным снижением уровня бедности. Этот феномен является центральным для понимания социально-экономической ситуации в России в 2014–2024 годах.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

При анализе официальных статистических данных за рассматриваемый период обнаруживается фундаментальное противоречие. С одной стороны, показатели реальных располагаемых денежных доходов населения демонстрируют длительную стагнацию, а в отдельные годы – и существенное падение. Структура потребительских расходов также указывает на признаки ухудшения благосостояния, в частности, через рост доли затрат на продовольствие. С другой стороны, официальная статистика фиксирует устойчивое снижение уровня бедности, достигшее к 2023 году исторических минимумов. Это расхождение ставит под сомнение однозначность трактовок и требует глубокого анализа: является ли снижение бедности результатом устойчивого роста благосостояния или следствием иных, в том числе и статистических, факторов?

Наиболее интересный с аналитической точки зрения период начинается в 2021 году. Именно здесь возникает ключевой парадокс исследования: на фоне весьма скромного и волатильного восстановления реальных доходов происходит резкое, беспрецедентное снижение официального уровня бедности, который упал с 12,1 % в 2020 году до 9,3 % в 2023 году.

Объяснение этого феномена лежит не в плоскости всеобщего экономического процветания, а в сфере государственной политики. Этот период характеризуется двумя основными факторами:

1. Масштабирование адресной социальной поддержки. Введение и расширение ежемесячных выплат на детей в возрасте от 3 до 7 лет, а затем и для всех нуждающихся семей с детьми до 17 лет, а также другие программы поддержки позволили таргетированно повысить доходы самых бедных домохозяйств. Эти трансферты, пусть и не всегда значительные

по размеру, позволили миллионам людей формально пересечь черту прожиточного минимума, что напрямую отразилось на статистике.

2. Специфические факторы экономики 2022–2024 гг. Новая фаза экономической трансформации, связанная с проведением СВО, привела к резкому росту бюджетных расходов. Значительные денежные выплаты военнослужащим по контракту, мобилизованным и их семьям, а также рост заработных плат в оборонно-промышленном комплексе и смежных отраслях создали новый, статистически весомый источник доходов для определенных социальных групп.

Таким образом, снижение бедности и некоторое сглаживание неравенства (табл. 2, снижение коэффициента Джини до 0,395) произошли не за счет органичного роста экономики, а в результате прямого государственного вмешательства и перераспределения финансовых потоков. Это создало ситуацию, при которой медианный уровень жизни большинства населения мог не улучшаться или даже стагнировать, в то время как формальные показатели бедности демонстрировали позитивную динамику за счет «подтягивания» самых низких доходов и появления новых высокодоходных (в сравнении со средними) групп.

Хотя последние данные показывают некоторое снижение коэффициента Джини (табл. 2), его абсолютное значение, стablyно державшееся выше 0,400 на протяжении почти всего периода и составившее 0,395 в 2023 году, свидетельствует о сохранении высокого уровня социально-экономического неравенства. Этот показатель является не просто статистической метрикой, а маркером глубокой структурной проблемы, которая выступает фундаментальным барьером на пути роста уровня жизни всего населения.

Высокий уровень неравенства фактически раскалывает общество на две части, живущие в разных экономических реальностях. Это приводит к тому, что средние макроэкономические показатели, такие как рост ВВП или среднедушевых доходов (табл. 1), теряют свою репрезентативность. Рост может быть сконцентрирован в узком сегменте населения, в то время как доходы медианной семьи (условной семьи, находящейся в середине шкалы доходов) остаются на прежнем уровне или даже снижаются. Именно поэтому анализ реальных располагаемых доходов (табл. 2) и структуры потребления (табл. 3) дает более адекватное представление о благосостоянии большинства. Без новой индустриализации и структурной модернизации экономики невозможно преодолеть стагнацию и высокий уровень региональной дифференциации. Наши работы [20] доказывают, что проблемы депрессивных регионов требуют целенаправленной промышленной политики, что напрямую связано с повышением уровня жизни.

Структурное неравенство создает порочный круг. С одной стороны, оно подавляет совокупный внутренний спрос, поскольку большая часть населения имеет ограниченную покупательную способность, что сдерживает развитие малого и среднего бизнеса, ориентированного на внутренний рынок. С другой стороны, оно ограничивает инвестиции в человеческий капитал. Для семей с низкими доходами доступ к качественному образованию и медицине затруднен, что консервирует их положение и снижает шансы для их детей на социальную мобильность. Это полностью соответствует выводам А. Г. Аганбегяна и А. А. Аузана об институциональных ловушках, которые препятствуют долгосрочному экономическому развитию. Таким образом, даже при наличии формального снижения бедности высокий уровень неравенства продолжает воспроизводить низкое качество жизни для значительной части граждан.

Выводы

Проведенное исследование динамики уровня жизни населения России в период с 2014 по 2024 год выявило сложную и противоречивую картину, центральным элементом которой является парадокс между стагнацией реальных доходов и официальным снижением уровня бедности.

Результаты анализа подтверждают выдвинутую гипотезу. Снижение уровня бедности, особенно заметное в 2021–2023 годах, было достигнуто не за счет органичного роста экономики и повсеместного повышения благосостояния, а преимущественно благодаря прямому государственному вмешательству. Масштабные и целенаправленные социальные трансферты (в первую очередь выплаты семьям с детьми), а также специфические факторы, связанные со структурной перестройкой экономики с 2022 года (выплаты военнослужащим и рост зарплат в ОПК), позволили повысить доходы наиболее уязвимых групп населения выше формальной черты бедности. Эти меры, однако, замаскировали, но не решили фундаментальные проблемы, сдерживающие рост качества жизни.

Ключевой вывод заключается в том, что социально-экономическая модель, функционирующая в России в рассматриваемый период, продемонстрировала способность эффективно купировать риски экстремальной нищеты и поддерживать социальную стабильность через механизмы перераспределения. Однако она не смогла обеспечить устойчивый рост реальных доходов и благосостояния для большинства населения. Проблемы «работающих бедных», низкой стоимости труда и глубокого социально-экономического неравенства остаются нерешенными и выступают главным структурным тормозом на пути к повышению уровня жизни. Текущая модель, скорее, борется с симптомами, чем с причинами низкой экономической эффективности и ее социальных последствий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вахрушев А. В. Основные факторы бедности в современном российском обществе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2023. № 1(65). С. 123–134. DOI: 10.21685/2072-3016-2023-1-12
2. Бобков В. Н., Гулюгина А. А. Неравенство качества и уровня жизни населения регионов // Экономика региона. 2012. № 2(30). С. 170–178. DOI: 10.17059/2012-2-15
3. Зубаревич Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с. ISBN: 978-5-903599-10-3
4. Дохолян С. В., Петросянц В. З., Садыкова А. М. Устойчивое развитие региональных экономических систем: теоретический аспект // Региональные проблемы преобразования экономики. 2013. № 2 (36). С. 60–71. EDN: RAGTMF
5. Дохолян С. В. Механизм устойчивого социально-экономического развития проблемных регионов // Региональные проблемы преобразования экономики. 2022. № 9(143). С. 27–35. DOI: 10.26726/1812-7096-2022-9-27-35
6. Афонцев С. А. Политические парадоксы экономических санкций // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3(55). С. 193–198. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-10
7. Малкина М. Ю., Балакин Р. В. Тенденции развития российской экономики в период новых антироссийских санкций // Russian Journal of Economics and Law. 2024. Т. 18. № 2. С. 287–313. DOI: 10.21202/2782-2923.2024.2.287-313
8. Дохолян С. В., Вартанова М. Л. Обеспечение продовольственной безопасности России как первоочередная задача российской экономики // Продовольственная политика и безопасность. 2016. Т. 3. № 4. С. 217–225. DOI: 10.18334/prpb.3.4.37570
9. Дохолян С. В., Вартанова М. Л. Обеспечение эффективности функционирования продовольственного рынка региона в условиях конкурентной среды // Российское предпринимательство. 2016. Т. 17. № 17. С. 2153–2178. DOI: 10.18334/pr.17.17.36538
10. Широв А. А., Потапенко В. В. Парадокс российского потребления // ЭКО. 2020. № 6(552). С. 8–25. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-6-8-25
11. Горшков М. К. Российское общество как оно есть. М.: Новый хронограф, 2016. 672 с.

12. Мотыльков А. А. Бедность в современной России: вызовы социально-экономической стабильности // Креативная экономика. 2025. Т. 19, № 4. С. 827–842.
13. Лежнина Ю. Г. Социально-демографические особенности бедности в Российской Федерации // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 20–28. EDN: RXTMNP
14. Римашевская Н. М. Гендерные асимметрии в современной России // Народонаселение. 2010. № 3(49). С. 4–18. EDN: OCSUFF
15. Денисова И. А., Карцева М. А. Гендерные аспекты бедности в России: абсолютный и многоокритериальный подход // Женщина в российском обществе. 2020. № 2. С. 138–155. DOI: 10.21064/WinRS.2020.2.12
16. Аузан А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2020. 160 с.
17. Аганбегян А. Г. О преодолении стагнации, рецессии и достижении пятипроцентного роста // Экономическое возрождение России. 2019. № 2(60). С. 17–23. EDN: QBZBNC
18. May B. A. Экономическая политика в условиях пандемии: опыт 2021–2022 гг. // Вопросы экономики. 2022. Т. 3. С. 5–28. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-3-5-28
19. Глазьев С. Ю. О глубинных причинах нарастающего хаоса и мерах по преодолению экономического кризиса // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 2(32). С. 11–22. DOI: 10.22394/2073-2929-2020-2-11-22
20. Дохолян С. В., Петросянц В. З., Садыкова А. М. Современные проблемы инновационного социально-экономического развития региона // Региональные проблемы преобразования экономики. 2012. № 3(33). С. 43–51. EDN: PICDQP

REFERENCES

1. Vakhrushev A.V. The main factors of poverty in modern Russian society. *University Proceedings. Volga Region. Social Sciences*. 2023. No. 1(65). Pp. 123–134. DOI: 10.21685/2072-3016-2023-1-12. (In Russian)
2. Bobkov V.N., Gulyugina A.A. The inequality of the quality and standards of life of the population of the regions. *Economy of Regions*. 2012. No. 2. Pp. 170–178. DOI: 10.17059/2012-2-15. (In Russian)
3. Zubarevich N.V. *Regiony Rossii: neravenstvo, krizis, modernizaciya* [Regions of Russia: Inequality, Crisis, Modernization]. Moscow: Nezavisimyy institut social'noy politiki, 2010. 160 p. ISBN: 978-5-903599-10-3. (In Russian)
4. Dokholyan S.V., Petrosyan V.Z., Sadykova A.M. Sustainable development of regional economic systems: theoretical aspect. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki* [Regional Problems of Economic Transformation]. 2013. No. 2(36). Pp. 60–71. EDN: RAGTMF. (In Russian)
5. Dokholyan S.V. Mechanism of sustainable socio-economic development of problem regions. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki* [Regional Problems of Economic Transformation]. 2022. No. 9(143). Pp. 27–35. DOI: 10.26726/1812-7096-2022-9-27-35. (In Russian)
6. Afoncev S.A. Political paradoxes of economic sanctions. *Journal of the New Economic Association*. 2022. No. 3(55). Pp. 193–198. (In Russian)
7. Malkina M.Yu., Balakin R.V. Trends in the Russian economy development during the new anti-Russian sanctions. *Russian Journal of Economics and Law*. 2024. Vol. 18. No. 2. Pp. 287–313. (In Russian)
8. Dokholyan S.V., Vartanova M.L. Ensuring food security of Russia as a primary task of the Russian economy. *Food Policy and Security*. 2016. Vol. 3. No. 4. Pp. 217–225. DOI: 10.18334/ppib.3.4.37570 (In Russian)

9. Dokholyan S.V., Vartanova M.L. Ensuring of an efficient functioning of the food market in the conditions of a competitive environment. *Russian Journal of Entrepreneurship*. 2016. Vol. 17. No. 17. Pp. 2153–2178. DOI: 10.18334/rp.17.17.36538. (In Russian)
10. Shirov A.A., Potapenko V.V. The Russian consumption paradox. *ECO*. 2020. No. 6(552). Pp. 8–25. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-6-8-25. (In Russian)
11. Gorshkov M.K. *Rossiyskoe obshchestvo kak ono est'* [Russian Society as it is]. Moscow: Novyy hronograf, 2016. 672 p. (In Russian)
12. Motyl'kov A.A. Bednost' v sovremennoy Rossii: vyzovy social'no-ekonomiceskoy stabil'nosti. *Kreativnaya ekonomika*. 2025. Vol. 19. No. 4. Pp. 827–842. (In Russian)
13. Lezhnina Yu.G. Social demographic specifics of poverty in Russian Federation. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2014. No. 1. Pp. 20–28. EDN: RXTMNP. (In Russian)
14. Rimashevskaya N.M. Gender asymmetries in modern Russia. *Population*. 2010. No. 3(49). Pp. 4–18. EDN: OCSUFF. (In Russian)
15. Denisova I.A., Karceva M.A. Gender poverty gap in Russia: absolute vs. Multidimensional concepts. *Woman in Russian Society*. 2020. No. 2. Pp. 138–155. DOI: 10.21064/WinRS.2020.2.12. (In Russian)
16. Auzan A. *Ekonomika vsego. Kak instituty opredelyayut nashu zhizn'* [The economics of everything. How institutions shape our lives]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2020. 160 p. (In Russian)
17. Aganbegyan A.G. Overcoming stagnation, recession, and achieving a five-percent growth rate. *Ekonicheskoe vozrozhdenie Rossii* [Russia's Economic Revival]. 2019. No. 2(60). Pp. 17–23. (In Russian)
18. Mau V.A. Economic policy in times of the pandemic: the experience of 2021–2022. *Voprosy ekonomiki*. 2022. Vol. 3. Pp. 5–28. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-3-5-28. (In Russian)
19. Glaz'ev S.Yu. On the underlying causes of growing chaos and measures of the economic crisis overcoming. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2020. No. 2(32). Pp. 11–22. DOI: 10.22394/2073-2929-2020-2-11-22. (In Russian)
20. Dokholyan S.V., Petrosyanc V.Z., Sadykova A.M. Modern problems of innovative socio-economic development of the region. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki* [Regional Problems of Economic Transformation]. 2012. No. 3(33). Pp. 43–51. EDN: PICDQP. (In Russian)

Финансирование. Исследование проведено без спонсорской поддержки.

Funding. The study was performed without external funding.

Информация об авторе

Дохолян Сергей Владимирович, д-р экон. наук, профессор, гл. науч. сотр., заведующий лабораторией проблем уровня и качества жизни, Институт социально-экономических проблем народонаселения, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН;

117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32;

sergsvd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4609-448X>, SPIN-код: 6492-9940

Information about the author

Sergey V. Dokholyan, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Head of the Laboratory of Problems of the Level and Quality of Life, Institute of Socio-Economic Problems of Population, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

32 Nakhimovsky prospekt, Moscow, 117218, Russia;

sergsvd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4609-448X>, SPIN-code: 6492-9940